

Хошь так поверь, а хошь
на себе поверь

У

Е

Й

ЛИНА
НЕГОДА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Лина Негода

Улей-2

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Негода Л.

Улей-2 / Л. Негода — «ЛитРес: Самиздат», 2021

Львиная доля наших современников продолжает проживать в «человейниках», самые адские из которых – семейные общаги. Да, да, те самые остовы постиндустриальной эпохи, пожив в которых, ты смело можешь утверждать: «О, ну я-то «плавал»! Я-то знаю, и в цирке больше не смеюсь»! Эта книга не столько проведёт вас за руку по всем лабиринтам человеческого «улья», сколько поможет заглянуть в души его обитателей. Кто они и чем живут? Почему всё сложилось именно так? Порой происходящее будет восприниматься за гранью разумного... Содержит нецензурную брань.

Лина Негода

Улей-2

Глава 1

Хошь так поверь, а хошь на себе проверь

Перевернув страницу под названием «школа милиции», я на некоторое время замерла. Застыла, не имея ни малейшего представления о том, куда же мне приложить жизненную энергию, бившую через край. Ничего не делание было для меня бесконечно мучительным. Я давно привыкла куда-то бежать, нестись сломя голову, что-то организовывать, постоянно решать проблемы, преодолевая себя и обстоятельства. А тут вдруг тотальный жизненный штиль... Странно... Очень странно и совершенно непонятно...

Именно в это самое время я каким-то чудом, не иначе, попала на приём к ...гадалке, умеющей трактовать кофейную гущу. В поисках халявы – ответа на вопрос, куда же мне направить собственные пяты, я оказалась в крошечной квартирке старушки-одуванчика. Как только чашка кофе была выпита, а его остатки присохли к стенкам миниатюрной кружечки, прорицательница, покрутив перед собственным носом «скрижаль», начала вещать:

– Больше ты никогда не будешь носить погоны, – медленно произнесла она. – А если и сможешь обмануть судьбу и всё же нацепишь их на себя, то будет длиться это один пшик, не больше!

Услышав первую фразу, я тут же поняла, что сидящий передо мной «раритет» давным-давно выжил из ума. Не иначе! Как это – не буду носить погоны? А что же мне остаётся делать?! Ведь ничего иного я не знаю, к тому же впереди у меня диплом, в котором чёрным по белому будет написано: «Юрист-правовед». Следовательно быть мне юристом до скончания веков.

Через пару дней я уже и думать позабыла о старушке, ибо впереди замаячили новые перспективы. Тамуна, знавшаяся с самим шайтаном, предложила мне обратиться к её хорошему знакомому, возглавлявшему отдел дознания в одном из РОВД, находившемся неподалёку от улья. Расчёт был прост: работа дознавателя в разы легче работы следователя, посему имелся шанс, что меня возьмут, несмотря на все мои нюансы.

Начальник отдела дознания, выслушав мою «исповедь», подытожил:

– Майя, я готов вас взять в свой отдел. У меня как раз есть одно вакантное место. Единственное, что вам нужно сделать – это заново и очень оперативно пройти медицинскую комиссию. Вы ведь ко мне не переводом идёте, а через увольнение. Таковы требования. Впрочем, я уверен, что с комиссией у вас никаких проблем не будет, вы ведь её уже не раз проходили. Как только ваше личное дело из школы милиции попадёт ко мне на стол, вам выпишут направление на медосмотр.

К моменту получения направления на медкомиссию со мной приключилась сушая беда. Кто-то из жильцов улья приволок герпетический вирусный конъюнктивит, разлетевшийся по общаге со скоростью света. Стало очевидным: комиссию мне не пройти, ибо окулист, увидев моё «прекрасное» левое око, заключение ни за что на свете не подпишет. А посему нужно лечиться и терпеливо ждать, пока глаз не вернётся в исходное состояние.

Спустя примерно три недели левый глаз снова стал как новенький, зато правый готов был вываливаться наружу. Подобного поворота событий я никак не ожидала. И снова три недели ада. Три недели страшного зуда, красноты, практически слепоты, капель, мазей и безудержного желания царапать стены когтями.

Чтобы хоть как-то отвлечься от болячки и дурных предчувствий, в один из дней, нацепив на нос огромные солнцезащитные очки, я отправилась на пляж. Лето было на исходе, но ано-

мальная дневная жара всё ещё позволяла купаться в местном пруду, расположенном в самом сердце города.

Проведя на горячем песке добрую половину дня, я уж было собралась «сматывать удочки», как вдруг столкнулась со своими бывшими коллегами из дежурки, в компании коих находилась та самая Анна Михайловна, из-за которой меня «попросили» из аэропорта. Менты шумную толпою привалили на пляж с ночевой.

- Майя, привет! Ты уже домой? А чё так рано?
- Оставайся с нами! Мы сюда надолго! До самого утра!
- Не останешься? Почему? Ну, блиин...
- Ну, тогда давай хотя бы искупаемся за компанию?

Отчего же не искупаться, отчего не подарить разомлевшему на солнце телу ощущение приятной обволакивающей прохлады? Отчего не проститься с медленно угасающим солнцем? А самое главное – отчего же не разглядеть как следует блатную бабень?

Но надо же было такому случиться, чтобы именно в тот самый момент, когда любовница «великого мусора» в близлежащих кустах принялась раздеваться, меня кто-то отвлек. Когда же я снова смогла обратить свой взор на Михалну, та, похрюкивая, уже всю плескалась в пруду.

- Вот чёрт! – ругнулась я про себя. – Не дали восхититься прелестями каракатицы!

Из воды дородная «ундина» выползла только когда начало смеркаться. Народ уже давным-давно рыбу запивал пивасом, а она всё продолжала киснуть в мутной водице, очевидно, стесняясь презентовать присутствующим собственные габариты. Как только нога «элитной» сотрудницы ступила на песок, я тут же безо всякого стеснения принялась демонстративно разглядывать её бесчисленные складки да брыльки. Процесс оказался увлекателен настолько, что ваша покорная слуга, словно распоследняя ворона, раскрывшая рот, налетела со всей дури босой ногой на стекло. Рассмотреть рану из-за быстро сгущающихся сумерек не получилось, посему пришлось как есть – без обработки и перевязки – тут же убраться восвояси.

Только оказавшись дома, удалось разглядеть порез, в общем-то, незначительный, однако весь забитый песком. Наспех обработав рану, я тут же отрубилась с блаженной улыбкой на губах. В эту ночь мне было отранно от мысли о том, что я гордая и хрупкая былинка, пусть даже жестоко выброшенная за «борт», а вот Анна Михайловна (которой на вскидку не было и тридцати) – гадкая свиноматка, которую имеют все, у кого напрочь атрофировано чувство отвращения.

Поражённый конъюнктивитом глаз со дня на день обещал прийти в норму. Казалось ещё совсем чуть-чуть, ещё совсем немного – и заветная финишная ленточка коснётся моей груди, но – не случилось, не срослось! Через пару дней порезанная на пляже нога опухла до такой степени, что я не смогла на неё наступить. Лечение пустяковой, казалось бы, царапины, затянулось ещё на полтора месяца. Естественно, ни о каком выходе в вышеуказанный отдел не могло быть и речи – на календаре было начало сентября. Обещанное место дознавателя было мною бездарно профукано.

Приземлившись голым задом на асфальт, я невольно вспомнила: «Больше ты никогда не будешь носить погоны, а если и сможешь обмануть судьбу и всё же нацепишь их на себя, то будет длиться это один пшик, не больше»!

Глава 2

И снова: куда пойти, куда податься, кого найти, кому отдаться

Как только «серебряное копытце» зажило, я тут же отправилась в Залупцы, чтобы забрать Соно, проведшую практически целое лето в деревне. Долго засиживаться в доме матери не входило в мои планы. Крайне важно было успеть определиться с работой до наступления холодов.

По возвращении в улей наша жизнь претерпела ряд метаморфоз, касаемых графика: ранний подъём, утренняя дорога в садик и вечерняя из него, в перерывах – бесконечный поиск

новой работы. Сегодня, по прошествии почти двадцати лет, я не вспомню и десятой доли тех порогов, что были в те окаянные дни мною оббиты. Купив газету с вакансиями, я тут же неслась по указанному адресу, чтобы вновь и вновь слышать одно и то же:

– Мы уже приняли сотрудника.

– Нет, вы нам не подходите, мы ищем человека с опытом.

– Загляните-ка к нам попозже, недельки этак через три...

– А у нас нет вакансии, мы просто так резюме собирали, чтобы база кандидатов на чёрный день была...

Больше всего мне врезался в память визит в магазин «Сом», торговавший унитазами и иным сантехническим оборудованием. Им требовался продавец. После заполнения анкеты меня тут же отсобеседовали. Миловидная женщина, взглянув в графу «Предыдущие места работы», не смогла скрыть собственного удивления, смешанного с разочарованием.

– Вы действительно работали в органах?

– Да, – гордо подтвердила я. – Работала...

– Мой вам совет, Майя Алексеевна: не рассказывайте об этом никому. Особенно в ситуациях, когда приходите устраиваться на работу. Ментов у нас, мягко говоря, не любят, к тому же, кто знает, быть может, вы – «казачок» засланный. «Бывших» сотрудников не бывает, вам ли об этом говорить. Ни одна уважающая себя компания вас, зашедшую с улицы, к себе не возьмёт. Я бы вообще на вашем месте сменила трудовую книжку, а потом уж пробовала что-то искать.

Услышанное меня невероятно покорило. Но это была лишь первая реакция. Немного поостыв, я поняла, что в словах мадам, отважившейся зарядить правду-матку, не было ничего оскорбительного, ничего из ряда вон. Многие компании действительно не желали видеть у себя «проходивших мимо». А меня ко всему прочему не желали знать ещё и из-за отягчающих обстоятельств: отсутствия опыта, заочного обучения и маленького ребёнка. К тому же я действительно могла оказаться «засланцем». Ради чего чёрно-белым компаниям устраивать подобные эксперименты, когда рисков и так пруд пруди?!

Отчаянию моему не было пределов. Что же делать? На что нам с Соней жить? Отложенные деньги неумолимо таяли. Ответы, как и выходы, отсутствовали... А тут ещё и новая напасть, разразившаяся, словно гром среди ясного неба. Заведующая детским садом как бы невзначай напомнила о том, что в конце декабря ждёт от меня справку с работы, подтверждающую мою причастность к внутренним органам (Соня ходила в ведомственный садик). Принести данную писулину у меня не было никаких шансов. Из сложившегося положения следовало, что с января мы остаёмся без детского сада.

Как уже говорилось выше, мой график претерпел изменения. Подъём был очень ранним – в пять утра, именно в это самое время можно было более или менее спокойно помыть пол и убрать заблёванные туалеты. Да, вы всё верно поняли: стремясь не сдохнуть с голоду, мне пришлось неофициально устроиться техничкой в родненький улей.

– Майя, работа очень тяжёлая, а деньги смешные, но это всё равно больше, чем совсем ничего, – предложила комендант, увидев в один из вечеров мою зарёванную рожу. – Мыть будешь свой этаж и пятый. Полностью. Четыре туалета, две кухни, четыре лестничных пролёта и два коридора. Кроме этого из кухни будешь выносить на помойку баки с мусором. Они неподъёмные, ну, как-нибудь справишься за несколько подходов. Мыть можно утром или вечером, это как сама решишь.

В попытке избежать лишних расспросов и издевательств со стороны соседней, я тут же решила, что буду мыть пол ранним-ранним утром, в тот самый миг, когда сон жильцов крепок да сладок.

Первая неделя прошла в относительном спокойствии, зато вторая и все последующие оказались сушим адом. Мало того, что весь улей был в курсе моего «падения», откровенно

издеваясь: «А тебе резиновые перчатки идут больше, чем китель мусорской!» – так ещё и Сонька категорически не желала оставаться одна в закрытой на ключ комнате. Как бы тихо я ни вставала с дивана, она, словно бы назло, просыпалась и тут же впивалась в меня, аки клещ, пища и причитая: «Мамочка, мамочка! Миленькая, я не останусь одна! Не останусь! Не закрывай дверь! Не закрывай! Я боюсь!»!

Оставить её в комнате с открытой дверью я не могла, ибо и в пять утра в сиваковском «огурце» продолжала бушевать пьянка. Страшно было представить, что может случиться с ребёнком, если вдруг в комнату ввалится пьяное быдло. В итоге, приходилось мыть пол в тесной семейной компании. Соня, словно сиротинка, держа ручонки за спиной, молча стояла возле стеночки, а я тут же орудовала шваброй. При виде смиренной малышки, прислонившейся к обшарпанной холодной стенке коридора, сердце моё готово было разорваться от невыносимой боли. В этот миг я ненавидела себя! Ненавидела Жопова и всю его треклятую семейку! Ненавидела Чмошск! Ненавидела саму жизнь!

Порой нам крупно везло. Вынося мусор, удавалось раздобыть порядка десяти, а то и двадцати, бутылок, валявшихся в мусорном бачке или стоявших рядом. Найденный «клад» в тот же день сдавался в приёмку стеклотары. И всё же, несмотря ни на что, денег катастрофически не хватало. Пришлось экономить на проезде. Так, утром в детский сад мы отправлялись на автобусе, а вечером возвращались домой пешком. Соня капризничала, дёргала меня за рукава куртки, не желая топтать ножками пять остановок, а я, словно Астрид Линдгрэн, заговаривая зубы, пыталась приковать её внимание то к красивой птичке, то к необычной веточке, то к волшебному листочку на ней.

К концу декабря стало очевидно: всё, я «спеклась». У меня нет больше ни физических, ни моральных сил вставать в пять утра, нет сил тягать на себе тяжеленные мешки с парашей, нет сил носиться по городу в тридцатиградусный мороз, умоляя дать мне шанс заработать копейку. К тому же на горизонте маячили две вещицы: очередная сессия в универе, который я не готова была бросить даже под пытками, и «сделай ручкой» детскому саду.

Собравшись в кучу, я упаковала сумки и мы вместе с Софой, словно два бесхозных пса укатали зализывать раны в Залупцы, где и встретили Новый год. Соня – во сне в своей кровати, а я – сидя перед телевизором с ногами, по щиколотку опущенными в тазик с горчицей. Отходняк, последовавший за осенними приключениями, был довольно жёстким: температура под сорок и страшные головные боли, унять которые не выходило никакими судьбами.

Глава 3

Адов администратор, или несложившаяся шведская семья

Успешно сдав зимнюю сессию, я снова вернулась в родные пенаты, чтобы справиться новую трудовую, в которой не было бы и намёка на мой предыдущий ментовской стаж.

Ближе к концу весны какие-то знакомые маминых знакомых сообщили нам о том, что в Чмошске проживает некая «умница-крутышка», к которой можно было бы обратиться за помощью в вопросах трудоустройства. Кто? Что? Куда и зачем? – подробности отсутствовали.

Раздобыв заветный номер телефона и пароль: «Мне рекомендовала вас Кира Карловна» (знать бы ещё, кто она такая), я снова отправилась покорять Чмошск.

«Крутышка» была обнаружена в два счёта. Ею оказалась пышнотелая низкорослая Наташа. Моя ровесница и такая же деревенщина, как и я, правда, тщательно маскирующаяся под городскую. Её навязчивое стремление скрыть собственное плебейское происхождение порой принимало гипертрофированные формы, от чего становилось смешно.

Подготовив меня к собеседованию на позицию «Администратор», крутышка тут же взяла бычка за рога:

– Майя, ты мне очень нравишься, давай с тобой дружить! Я буду тебе помогать и всячески тебя опекать. Ты главное – держись меня и тогда не пропадёшь!

Наташины слова были мною истолкованы как некая «деревенская солидарность», ну, или как порыв Данилы Багрова, произнесшего сакраментальное: «Русские своих на войне не бросают». Да, я была чрезвычайно признательна своей новоиспечённой знакомой за помощь в трудоустройстве, однако, желание с ней подружиться у меня никоим образом не возникало....

Кстати, самое время поведать читателю о том, чем мне по условиям договора предстояло заниматься весь летний сезон. Благодаря именно Наталье, отвечавшей за подбор персонала, я стала одним из администраторов городского летнего парка отдыха, расположенного в лесном массиве. В моём ведении оказались парочка ларьков, блинная, кафе «Лесная сказка» да несколько «летников» (временных палаток).

Не стану вас утомлять пересказом моего обширного функционала, ограничусь кратким: «Организация бесперебойной работы торговых точек». Отныне мой рабочий день начинался в районе полдня, а заканчивался в час ночи в будние дни и в три-четыре утра – в праздничные. Обнажившийся мир «съедаловки», несмотря ни на что, не вызывал во мне такого отторжения, как милиция. Впрочем, и тут хватало своих гастрономических, культурных и иных странностей и открытий.

Первое «открытие», или «странность» – это уже, как вам угодно, повергло меня в глубочайший шок....

Возле «Сказки» с вечера до полуночи работали узбеки – папа с сыном, колдовавшие над мангалами с шипящей бараниной и свининой. Благодаря этим двум «пассажирам» мне удалось раскрыть «Тайну Золотого Тельца», состоящую в том, что едва ли не каждый второй шашлык продавался, как минимум, дважды!

– Но как такое возможно? – вскричит возмущённый читатель. – Уж не дуришь ли ты нас, Майка?!

– О-о-о-о, побойтесь бога, – отвечу я. – В нашей стране возможно всё и даже больше! Чтобы продать шашлык дважды, необходима самая малость! Его НЕ нужно с первого раза прожаривать как следует!

Подав посетителям плохо прожаренное мясо, в девяноста процентах случаев можно рассчитывать на то, что непрожёванные куски останутся сиротливо лежать на бумажных тарелках. Именно эти со всех сторон обсмоканные кусманы собирались ушлыми официантами, чтобы заново отправиться на шпажку. Очередной проголодавшийся дуралей, приобретая мясо в нашем кафе, даже в страшном сне не мог себе представить, что именно он закидывает себе за щеку....

За вторую «странность» я чуть было не получила по мордасам. Сказать по чесноку, если бы получила, то это было бы вполне заслуженно! Другой вопрос, что я не имела никакой возможности влиять на существующие порядки и «традиции». Я была самым крайним звеном в «пищевой цепочке», от писка которой не зависело ровным счётом ничего!

Ну, так вот, мамаша, купившая в «Лесной сказке» хот-дог для ребёнка, чуть было не порвала меня, обнаружив внутри булочки сосиску, которая ещё неделю назад превратилась в зелёные сопли. Лишь по счастливой случайности дитё не успело отведать нашей «прелестной» стряпни. Экзальтированная дама, содрав целлофан и узрев соплю, тут же свесившуюся из булочки, принялась биться в конвульсиях, пытаясь вытащить меня из-за барной стойки. Я же, словно универсальный солдат, стоически сносила маты и угрозы, в обилии сыпавшиеся на мою голову.

Ситуация с «горячими собаками», со слов местных аборигенов, работавших не первый сезон в парке, повторялась год от года. Работники кондитерского цеха, нашлёпав низкокачественной жратвы, тут же толкали её в розницу, игнорируя старые нераспроданные запасы, имевшие срок годности. Сотрудники летников, утром явившись на смену, были вынуждены начинать свой рабочий день с переклейки даты выпуска продукции, а не с приёмки остатков. Данное распоряжение было спущено «сверху» и обсуждению не подлежало. Желаеть рабо-

тать? Твори то, что тебе велят! Участь желающих «поспать супротив ветра» была предрешённой и всем известной: они с позором изгонялись вон.

Моё следующее «открытие» относилось к области «прекрасного». В третье воскресенье июля, как обычно, проводился праздник «День города». Именно в этот жаркий денёчек наш распрекрасный Чмошск посетила новомодная группа-однодневка заурядных певунов, решивших дать несколько концертов в разных частях города. Завершающие праздник «песнопения» планировалось провести в нашем парке. Часам к девяти вечера на площадке перед сценой, на которой скакала парочка тщедушных задротов, облачённых в колготки, собралась огромная пьяная толпа. Охранники, пытавшиеся сдержать ценителей «прекрасного» посредством турникетов, с трудом справлялись с поставленной задачей. Каждый выкрик певунов: «Мы не видим ваших рук!», – тут же заканчивался бурной реакцией толпы. В алкогольном экстазе, молодняк налегал на заграждения. Казалось, ещё секунда – и охранников сметут, затопчут. Очень скоро стало очевидно: местными силами разгорячённых меломанов не сдержать. В тот самый момент, когда расстояние между сценой и толпой стало критичным, на территорию парка въехал отряд ОМОНа, дабы внести свою лепту в и без того дикое зрелище.

Никогда «до» и никогда «после» я не видела ничего подобного. Омоновцы, пришедшие на помощь местным блюстителям порядка, начали безжалостно обхаживать толпу резиновыми палками. Лупили направо, не делая исключения ни для кого. Те, кто стоял в первых рядах, не имел даже малейшей возможности укрыться от ударов, не говоря уже о том, чтобы вовсе ретироваться, ведь задние ряды всё налегали и налегали. И тогда в ход пошло «холодное оружие» – овчарки. Спущенные с поводков, они впивались в толпу, они в буквальном смысле вгрызались в неё, брызгая кровавой слюной во все стороны. Часам к двум ночи, когда адский балаган рассосался, место праздника напоминало Ходынку после коронации Николашки, такая лайт-версия. Кругом валялись погнутые металлические турникеты да разнокалиберный мусор: пакеты, бумага, окурки, пластиковые бутылки, окровавленные салфетки и бог весть что ещё. Кто-то сном младенца спал под кусточком, кто-то пытался «восстать» из кровавой лужи, поправляя на себе обоссанные портки. Среди всего этого безумия была обнаружена парочка раздавленных (не знаю, насмерть или так) мужичков да куча «потеряшек» – рыдающих детей дошкольного возраста, коих в пьяном угаре «посеяли» их непутёвые родители. Кареты скорой помощи приезжали и уезжали одна за другой. Одним словом, праздник «удался»....

Следующий «левел» относился к математическим ребусам, разгадать кои сходу было не всякому по плечу. В этом самом месте стоит сделать небольшое отступление, дабы ввести нового героя, вернее героиню. Ею оказалась Анна, моя соседка по улью. Как-то вечером, встретившись на кухне, она принялась сетовать на то, что не может никуда устроиться на работу. Майка, добрая душа, а если быть точным – то дурная, тут же предложила свою помощь. В итоге через несколько дней «страдалица» всюю орудовала в одном из летников, разливая пиво, продавая кириешки.

Нужно ли напоминать о том, в какие «светлые» дали ведут «благие намерения»? Пожалуй, всяк из вас, хотя бы единожды имел «счастливец» помочь ближнему. Одним словом, очень скоро история с Анькиным трудоустройством завершилась позором и изгнанием её взашей. Отработав неделю, а быть может, и две, придя однажды утром принимать смену, она «нахлобучила» желторотого юнца, сутки отстоявшего за барной стойкой. По молодости и неопытности Анино предложение помочь побыстрее пересчитать товар паренёк принял за благо и жест доброй воли и, естественно, согласился. В итоге этого самого пересчёта, мою соседку сгубила пресловутая жадность. Уж больно большую «недостачу» она решила повесить на горе-сменщика. Недостачу, превышающую саму выручку за сутки, чего априори быть не могло! Вконец расстроенный парень отправился домой за деньгами, чтобы привезти «прохлопанное» для внесения в кассу. Однако через час после пересмены вместо бармена прискакала его буйная мамаша. Благодаря ей статус-кво мгновенно восстановился. Аферу местного масштаба рас-

крыли, дав виновнице под зад мешалом. При этом я, опять же из самых добрых побуждений, буквально чудом смогла уговорить руководство компании рассчитаться с Аней за отработанные ею смены. Получив расчёт, моя визави была такова. С этого самого дня я в её глазах обрела заклятого врага.

И, наконец, завершающая «странность», с которой мне пришлось столкнуться, работая в парке, относилась к области плотских утех. Впрочем, обо всём по порядку.

«Крутышка» Наташа, с чьей подачи я смогла обрести работу, настойчиво хотела со мной дружить. Данные устремления, признаться честно, были для меня странны и непонятны. Иной раз просто хотелось спросить:

– Милая, тебе чего из-под меня надо? Чего прилипла со своей дружбой? Не нужна она мне сто лет! Нас, кроме этой временной работы, ничего с тобой не связывает!

Естественно, подобного рода вопросов, равно как и ответов, я не могла себе позволить прежде всего по причине безмерной благодарности за составленную мне протекцию. Посему приходилось молча сносить Наташину одержимость, приходилось терпеть её приглашения то в сауну, то в баню, то просто к себе домой. Аргументов, почему – «нет», у меня поначалу хватало, и первый из них – напряжённый график работы, при котором я освобождалась только ночью.

И всё же к концу второго месяца работы мне пришлось сдаться. В свой единственный выходной я была вынуждена отправиться с визитом вежливости к «крутышке». Наступив на горло собственной песчине, я поехала на другой конец города, прекрасно понимая, что на одну только дорогу туда-обратно уйдёт добрых часа три.

Оказавшись в Наташиной прихожей, я увидела тело, развалившееся на диване.

– Майя, проходи! Как я рада, что ты наконец-то выбралась к нам в гости! – зашептала хозяйка. – Прходи! Знакомься, это Виктор, мой парень. Мы уже год живём вместе. Витя недавно вернулся из командировки, из Чечни. Он, как и ты, сотрудник милиции. Правда, он постовой.

– Очень приятно, – пришлось соврать мне. – Только я уже давно не сотрудник милиции.

– Это точно, – тут же согласилась Наташа. – Ну, ты проходи, присаживайся, а я сейчас чай организую. Это мигом! Пять минут, не больше!

Тело, валявшееся на диване и не подававшее никаких признаков жизни, наконец ожило, почесав себе левой рукой мудя. От этого, с позволения сказать, – «простого» движения, мои глаза полезли на лоб. Присев на самый кончик дивана (больше сесть было некуда), я готова была провалиться сквозь землю, чувствуя на себе недобрый взгляд Витюши. Пару минут, показавшиеся мне вечностью, я сидела не шелохнувшись. Я не знала, что сказать, куда смотреть и как себя вести в сложившейся ситуации. Наконец меня осенило:

– Наташа, я же тебе забыла главное сказать, – вставая с дивана и направляясь на кухню, принялась напропалую врать я. – Мне сейчас буквально на пару минут нужно выскочить на остановку, человек мне должен пакет от мамы передать. Я сначала хотела его дождаться, но он позвонил и предупредил, что опаздывает... В общем, сейчас всё заберу и вернусь, как раз к чаю.

– О, у тебя есть сотовый телефон? Ты не говорила...

– Да, только вчера купила, – снова соврала я.

– А чего номер мне не дала?!

– Всё, шесть сек! – выпалила я уже на ходу, не дав опомниться ни «крутышке», ни её подсвинку с дырявыми на пятках носками.

Оказавшись на улице, я мгновенно заскочила в первый подошедший к остановке автобус, даже не поинтересовавшись, по какому маршруту тот следует.

– О, боги! Что ЭТО сейчас было? Что?!

В том, что увиденное мною в квартире имело недобрый подтекст, у меня не возникало никаких сомнений! Впрочем, в моей голове всё же никак не складывалась конечная картина того, что же это такое я сейчас увидела и с чем увиденное можно «сожрать».

Примерно через пару дней после описанных выше событий в одной из вверенных мне кафешек нос к носу я столкнулась с Наташей. Выражение её лица говорило: «У меня сожрали сметанку, и я знаю, что это сделала ты!»

– Витя недавно был у сексопатолога, – начала она, опустив всякие прелюдии, – и он ему назначил эксперименты...

– Ммм...

– У него после командировки в Чечню «аппарат» стал работать с перебоями. Доктор посоветовал ему разнообразить секс...

– Ну...

– Вите нужен секс втроем, – резюмировала «крутышка», сделав небольшую паузу. – И мы уже определились...

– Я рада за вас, – ответила я, глупо моргая глазами. – Надеюсь, вам всем повезёт, надеюсь... что вы...

– Ты что? Ты разве ничего не поняла? Мы тебя выбрали! Ты Вите очень понравилась! Он одобрил тебя! И я не против! Ты мне тоже очень нравишься!

От услышанного у меня отвалилась челюсть и едва не подкосились ноги. Признаться честно, с подобным моветоном мне ещё не приходилось сталкиваться. Несколько секунд понадобилось на то, чтобы взять себя в руки:

– Знаешь ли, Наташа, я, быть может, много кому нравлюсь, только это ничего не значит!

– Нет, значит! – переходя на повышенные тона, заявила моя собеседница. – Значит! Ты вообще думала, как ты со мной будешь рассчитываться за то, что я тебя пристроила на такое «рыбное» местечко?! Тебя, после твоей мусарни?! Ты что же себе думаешь, что я всё это за «спасибо» делала? Ты совсем дура? Вот так, Маечка, я с тобой миндальничать не буду, не надейся! Выхода у тебя нет! Если будешь носом крутить, вылетишь отсюда в одно мгновение! К тому же я всем расскажу, кто ты такая есть на самом деле! Расскажу, что ты мусарка! И про трудовую твою липовую тоже всем расскажу!

Стоит ли говорить о том, что было дальше? Эххх... а дальше были «те же яйца, только в профиль». Разговор на повышенных тонах завершился взаимными угрозами, оставшимися на уровне слов, и моим увольнением в тот же день.

И снова я оказалась без работы. И снова я, словно побитая собака, убегала прочь от адских работодателей и их представителей. Убегала втянув голову в плечи по самые уши. Впрочем, в этот раз я бежала не просто так – с пустыми руками, я улепёгивала с извлечённым опытом. Отныне я знала, что никогда не стану жрать в летниках, ни за что на свете не буду ходить на мероприятия, подразумевающие огромное скопление народа, а ещё я знала, что впредь не решусь протягивать руку помощи тому, кто меня об этом не просил. И, наконец, до меня понемногу начало доходить главное: когда человек себя предаёт, когда малодушничает, идя не своей дорогой, Высшие Силы пытаются ему сигнализировать, посылая обилие сложных ситуаций, в том числе в лице всякого отребья.

Глава 4

Язык мой – враг мой, или ода «хорошему человеку»

Всякий раз, когда выпадал свободный вечерок, ко мне забегала Олька Хрюшкина, иногда с сестрой. И тогда мы могли часами напролёт болтать об одном и том же, – о мужиках. Сказать по чесноку, Наташке, кроме как пожаловаться на Костика за то, что тот ни в какую не желает приобретать одноразовую посуду, да поведать о прелестях сетевого, рассказать особо было не о чем. Олькин репертуар тоже был не намного шире. Она то помоила благоверного, то восхищалась своим новым начальником цеха, который якобы подкатывал к ней яйца.

Увы, но в последнее время между четой Хрюшкиных пробежала чёрная кошка, а быть может, даже их отношения претерпели деструктивное магическое воздействие. В общем, обрётённая «порчуха» со всей дури вдарила по Мишке. Приходя со смены домой, он, зараза, ни за какие коврижки не желал выполнять домашние дела в том объёме, в коем выполнял их прежде.

– Оля, неужели ты не понимаешь, что у меня руки уже не поднимаются после того, как я двенадцать часов мешки да ящики на себе потягаю?! Неужели нельзя пожарить приготовить? Ну, хотя бы картофана пожарить?! – возмущался супругник. – Да, я понимаю, что ты тоже с работы приходишь уставшая, но ты ведь не грузишь тяжести, как я. Ты сидишь! Сидишь по восемь часов за машинкой! А домой приходишь и пластом лежишь на диване! Поела и лежишь! Ты совсем не двигаешься! Ну, сколько можно? Ну, в самом деле?! Ты скоро в двери не войдёшь!

Сыпавшиеся как из рога изобилия претензии «императрица» поначалу сносила молча, но потом решила пресекать их словесно и более того – ограничила доступ к собственному телу. В итоге Хрюшкин оказался в ситуации двойного голода. Хм... а дальше.. а дальше: слово за слово, хреном по столу! И так день от дня...

Как только в их вечно грязной комнатёнке случались «обвинительные» сцены, Оля тут же демонстративно уходила из комнаты, поднимаясь этажом выше к своей младшей сестрице. Купив пивка, они на парочку предавались унылым философским рассуждениям: «Вот почему другим бабам повезло, а нам – нет? За какие такие грехи-напасти нам достались столь дебелие козлы»?!

Когда градус возлияния становился «в самый раз», Хрюшкина нехотя выдвигалась в сторону родной «камеры», по пути заскакивая ко мне. Пристроившись на стульчике у стола, она довольно громким голосом начинала жалобно завывать:

– Нет, Майка, я больше не могу! Не могу! Ты представляешь, какой скот этот Хрюшкин?! Тварина конченная! Я уже не могу... Он мне недавно сказанул, что я жирная! Ты это представляешь?! Мне! Своей жене такое сказанул! Но я в долгу не осталась! Я ему залепила, что у него член маленький! Да! Маленький!

– Тише! Ты что?! Соседи спят, разбудишь. А если не спят, то услышат все твои секреты!

– Ну и пусть слышат! – ещё громче принималась повизгивать пьяненькая Оля. – Пусть все знают, что у Хрюшкина х*й маленький!!!

В один из трезвых вечеров мы разговорились на тему «лишь бы человек был хороший». Вышеобозначенная болячка – излюбленный леденец дурочек, колонну коих я довольно долго возглавляла.

– Знаешь, я бы себе хотела другого мужа, – начала Оля. – Хрюшкин – это совсем не то! Я так устала от этой мерзкой общаги! Нет, конечно, в улье весело и всё такое, но, например, по полчаса стоять в очереди в тубзик утром в обед и вечером – это как-то через чур! Это катастрофа! Я, Майка, хочу свою квартиру... Большую, чтобы там в ней можно было на велике, ну, хорошо, – на роликах кататься! И мужика хочу себе богатого, чтобы он меня подарочками заваливал, чтобы на руках носил и все мои прихоти исполнял. А я бы ещё подумала, отблагодарить его или так оставить...

– Мать, ну ты жжёшь! И какой тебе кайф от чужих денег? Они же не твои, а мужика этого мифического. Иное дело, когда у тебя свои кровные на карманце лежат. Это таки да, это уже гораздо веселей! И просить ни у кого ничего не нужно. А вообще, ты знаешь, я хочу встретить человека, который был бы... хорошим... Ну, чтобы он душевным был. А сколько он получает, для меня совершенно неважно. Да и чем занимается – это тоже ерунда... Да пусть он будет хоть... водителем троллейбуса, лишь бы человеком был хорошим...

Спроси меня Хрюшкина тогда: «Хороший человек – это кто? Эт вообще о чём»? – я бы начала нести какую-нибудь ахинею, а быть может, и вовсе не ответила. На тот момент времени в моей голове сложился странный образ, не имевший чётких очертаний. Глядя на эту размытую

фигуру неопределённого цвета и возраста, мне словно попке хотелось повторять одно и то же: «Лишь бы был хорошим человеком, лишь бы был хорошим человеком...».

И надо же было такому случиться, чтобы сегодня мой поганый язык изрёк: «Да пусть он будет хоть водителем троллейбуса», а назавтра я действительно познакомилась с... водителем троллейбуса, или «сарая», как сам он называл железно-рогатого коня.

«Роман» был скоротечным, всего-то пара встреч, однако, и их с лихвой хватило, чтобы понять глубину собственных заблуждений относительно теории про «просто хорошего человека».

Жека Кошкин был нищ, как полковник Кудасов, и жаден, аки папаша Коки Жопова. А ещё водитель троллейбуса был беспросветным пошляком. В наше второе свидание он, прищурив глазки, возбуждённо рассказывал о том, каким образом «строятся отношения» в их ПАТП.

– У нас среди мужиков неписаное правило: если видишь издали, что «сарай» качается, значит, не подходи! Это кто-то из счастливых новую кондючку прямо в кабине шпилит! Ха! А чё такого?! Бабы не против и сами к машинам на калган запрыгивают. Не все, конечно, но каждая вторая – точно! Чуть не каждый день такое видишь...

Ко всему перечисленному выше прилагался «бонус»: из Жекиного рта разлило, словно из помойного ведра. Сидеть рядом с ним было возможно только на расстоянии вытянутой руки и только с подветренной стороны.

Удручённая до последней степени, я снова укатила домой, не попрощавшись с «женишком». Впереди маячила осенняя сессия, к которой нужно было как следует подготовиться. Какого же было моё удивление, когда примерно через пару недель пребывания в Залупцах, в почтовом ящике я обнаружила письмо и совместное фото с «кондючкой» от Кошкина. Из полученной весточки следовало (привожу текст дословно):

«Привет Майка! Пишет тебе инвалид 1-й группы. Но не пугайся сейчас у меня все более или менее нормально. Просто ездил на пляж и пропорол себе ногу. Так что пока передвигаюсь только с палочкой но скоро всё пройдёт. К твоему приезду буду как новенький бакс! На работе тоже всё более и менее нормально. Потехоньку работаем, заколачиваем денежку. По прежнему скандалим с начальником смены, но я уже в принципе к этому привык. Так что пока всё более или менее ровно, но дико не хватает тебя! Если честно тебе сказать, я уже по тебе соскучился! Ты так внезапно уехала. Скорей бы пролетело время. Я очень сильно хочу тебя увидеть. Мне здесь тебя нехватает. Напиши мне как ты там поживаешь? Все ли с тобой в порядке? Я за тебя очень переживаю, но надеюсь, что у тебя всё в порядке. Кстати, мне очень интересно как отнеслись твои родные когда ты им расказала обо мне. Ты сама-то соскучилась хоть маненька? Я надеюсь, что соскучилась. Я бы приехал к тебе, если бы у меня были деньги на дорогу. Но у меня денег нет. Так что увидимся наверное не скоро. Тут уже моё день рождения скоро. Зарплату, зараза, до сих пор не дали. Так что наверное отмечать не буду. Надо ещё на стомаголога оставить деньги. Если бы ты только знала скольких усилий мне стоило туда пойти. Я стоял перед кабинетом и дрожал как лист осиновый. Но я сумел перебороть страх и всётаки зашёл. Ты знаешь, оказалось что все не так уж и страшно. Врач посмотрела на мои бедные зубки и насчитала ТАКУЮ сумму, что у меня чуть глаз не выпал! Короче надо на всё лечение почти полторы тысячи. У меня сей час таких денег нет. Так что отлажил лечение до следующей полочки. Получу деньги и обязательно продолжу лечение. Ну вот. Я наверное уже расказал о том, что у меня здесь происходит. Очередь твоя писать мне письмо. Майка, я ужасно по тебе скучаю! Я когда иду с работы, всегда прохожу мимо общаги. В твоём окне и темно и пусто. Потому что там нет тебя! Я подумал и решил, что ты мне стала безумно дорога! Остальное я скажу тебе при встрече. Наверное пока это всё. Обнимаю тебя крепко, крепко, крепко. Целую! До встречи! На веки твой Жека! На фото я и моя кондючка».

Отвечать на письмо я не стала. Приехав в Чмошк в начале сентября, выяснилось, из каких источников Жека Кошкин раздобыл мой адресок. Конечно же, обо всём «позаботилась» Олька Хрюшкина.

Глава 5

Путь Бабая: новые куражи на виражах

Сделав ручкой любительнице секса втроём и успешно сдав осеннюю сессию, я снова оказалась в ситуации SOS. Впереди маячил финальный курс универа, в кармане гулял ветер, а сама я ничуть не приблизилась к разгадке: кем я хочу быть?

Как только сессия осталась позади, я с утроенным усердием принялась за новые поиски работы. Мои потуги были столь велики, что за последующий год я умудрилась сменить восемь работ. Но, обо всё по порядку.

Купив новую газету, я снова принялась носиться по странным конторам, общаться с непонятными людьми. Я снова очутилась в позиции просителя, если не сказать – умолятеля... И снова «нет» в ответ, и снова отчаяние, и снова отсутствие веры в себя и свою путеводную звезду, которая по прежнему оставалась сокрытой чёрными облаками.

В какой-то момент мне показалось, что счастье улыбнулось мне, ведь я получила приглашение стать продавцом сотовых телефонов, которые не так давно появились в нашем городе. Никаких деталей и тонкостей относительно графика работы, оклада и прочего на входе мне озвучено не было. Обыденные, казалось бы, вещи для нормального общества, но работодателем они были умышленно опущены.

Полторы недели к восьми утра я ездила на другой конец города, чтобы двенадцать часов сидеть в тесной будочке совместно с такой же горемыкой. В эту самую будочку, находившуюся на краю света, мало кто заходил, ибо она не имела даже толковой вывески. Условия работы, мягко говоря, были никакими. Рабочее место представляло собой комнатку размером пять на шесть шагов, заставленную с трёх сторон витринами, на которых сиротливо лежало порядка двадцати моделей трубок. В центре «торгового зала» стояли стол и два стула – для меня и моей напарницы. Ни раковины, чтобы помыть руки, ни туалета, ни ширмы, за которой можно было бы перекусить или выпить стакан воды – ни-че-го. Все прелести цивилизации находились примерно в километре от нашей торговой точки. Называется, работай – не хочу! И всё же выбор у нас был: еду и питьё можно было принести с собой, но тогда автоматически вставал вопрос с поиском нужника. Если же ничего не пьёшь и ничего не ешь, то вопрос с туалетом практически отпадал сам собой. Полторы недели прошли в жёсткой завязке – приём пищи и воды только вечером, перед самым сном.

По прошествии вышеуказанного срока на точке появился косматый жирдяй и заявил:

– Всё, вы свободны! Завтра другие выйдут на стажировку. Если они окажутся хуже вас, значит, вы продолжите у нас работать. Если что, вам перезвонят.

Ни я, ни моя коллега за отработанные дни, разумеется, не получили и копейки. Качать права, хлопать крыльями, визжать или лаять не имело никакого смысла. Сами виноваты. Сами лохушки. Из ложной скромности ничего не спросившие, понадеявшиеся на совесть работодателя. Одним словом, думали о здоровье, идя к больным.

Стратегия беготни по городу с газетой в зубах ни принесла никакого успеха, посему я решила изменить тактику. Теперь, бродя по улицам Чмошска, я просто разглядывала витрины, двери магазинов, доски объявлений, в поисках заветного: «Требуются».

Однажды, проходя мимо одного из корпусов бывшего завода, на территории которого уже давно располагалась турецкая ярмарка, я увидела:

«Ищем продавца!

Срочно!

Обращаться на второй этаж, в зал с дублёнками».

Не откладывая дело в долгий ящик, я тут же побежала разыскивать хозяев объявления. Через пять минут вежливый турок лет сорока объяснял мне суть нехитрых обязанностей. Расклад был таков: шестидневная рабочая неделя с двенадцатичасовым рабочим днём, отсутствие официального трудоустройства, социалки и прочих прелестей. Зарплата целиком и полностью зависела от того, сколько продавец наторгует.

Глядя на поджарого турка, я думала о двух глобальных вещах: только бы меня взяли на работу, и только бы здесь не оказалось желающих залезть ко мне в трусы, с остальным худо-бедно мириться можно. Когда с вопросами и ответами было покончено, турок предложил выходить торговать через пару дней, присовокупив к этому: «И, да, я самое главное забыл сказать – мы со своими продавцами не спим. У нас это не принято».

Когда я спускалась по лестнице вниз, мои уши и лицо пылали, а саму меня раздирали противоречивые чувства. С одной стороны, я радовалась этому внезапному дополнению, сказанному как бы между прочим, благодаря коему можно было хотя бы немного расслабиться, а с другой стороны, мне было страшно стыдно. Мне казалось, что на моём лбу выжжено калёным железом: «Жертва сексуальных притязаний». Мне казалось, что всё в моём облике, в моём позиционировании себя в пространстве говорило о том, что я обыкновенная чмошка, я ноль и ничего, кроме гнобления, не заслуживаю. Да чего уж там скрывать – от моей самооценки, которая и так никогда не была высокой, в свете последних событий вообще не осталось и следа.

Придя в общагу, я принялась хлопотать по хозяйству. Нужно было сварить кашу из топора, кроме него да висевшей в холодильнике мыши, в моей «камере» ничего больше не было. Именно в этот момент я заметила в бегущей по ТВ строке ещё одно объявление, показавшееся мне очень даже интересным: «Требуется администратор. Официальное трудоустройство».

Записав все координаты, я тут же отправилась по указанному адресу. Долго блуждая вокруг да около, я наконец-то обнаружила искомый объект, находившийся в одном из подвалов многоэтажного жилого дома. Спустившись вниз, я очутилась в довольно большом зале, в котором продавалась форменная одежда. Собеседование длилось пару минут. Очкастая барышня с короткой стрижкой, обозначив основные моменты, велела приходить на следующий день к открытию магазина.

Радости моей не было пределов! Шутка ли?! Это вам не просто продавец дублёнок с единственным выходным, это целый администратор, работающий два через два, с возможностью хотя бы раз в месяц сгонять домой, чтобы повидаться с Соней!

На следующий день я уже стояла за прилавком. С утра девочка-напарница мне показала, каким образом работает касса, а вечером того же дня мне раскрыли секрет, как эту самую кассу обмануть. Вернее не саму кассу, а собственника магазина – бывшего сотрудника правоохранительных органов. Обмануть мента, невзирая на обилие камер, было для нас делом чести!

Посвящение в аферистки прошло успешно. Магазин, как уже говорилось выше, торговал форменной одеждой для господ в погонах. Тут можно было приобрести решительно всё, начиная с «соплин» (лычек), кителей, бушлатов и заканчивая берцами. Сделать «левак» проще всего и быстрее было именно на берцах. Говнодавы, выполненные из жопы дракона, т.е. из дерматина, мы гнали по цене «натуралки», а разницу закидывали себе на карман. Толстомордые боровы со звёздами на плечах в массе своей были тупы, словно сибирские валенки, отличить натуральную кожу от «кожи» молодого дерматина было не каждому под силу.

Обув в прямом и в переносном смысле очередного мусора, я была счастлива. В лице каждого покупателя я видела своих обидчиков, я видела тех, кто растоптал мою карьеру, разрушил мою жизнь, обрёк меня на унижение и нищенское существование. Ни один мускул не дрогнул на моём лице, ни капли жалости не было в моих холодных глазах. Напротив, всё моё существо ликовало, радовалось новому мелкому отмщению. Конечно, сегодня это похоже на детский сад и кажется чем-то наивным и очень глупым. Наверняка не все из тогдашних моих

покупателей были ничтожествами, но в тот момент жизни все до единого мента казались мне на одно лицо. И всех их я ненавидела по умолчанию.

Я бы с превеликим удовольствием поведала о своих коллегах по магазину, но их имена давно стёрлись из моей памяти, за исключением одной дамочки, забыть которую было невозможно.

Смазливая Оксана Сучкова пришла на месяц позже меня и, отработав всего две недели, была выдворена прочь.

А дело было так. В воскресенье, открыв магазин, я принялась полировать витрины. Напарницы всё не было и не было. Находиться одной в подвальном помещении, скажем честно, было не очень приятно. Когда наконец Оксана нарисовалась, с момента начала рабочей смены минуло не менее полутора часов. О собственном появлении вышеуказанная особа сообщила грохотом. Спускаясь вниз, Сучкова чуть было не убилась. Но совсем не потому, что подвернула ногу или просто оступилась. Моя визави была пьяна, что называется в стельку.

Отвратительное заключалось в двух вещах: во-первых, буквально через пару минут в подвальном помещении, не имевшем окон, был безнадежно испорчен воздух. Оксанин шмурдяк, расплзся по залу, словно едкий дым. Во-вторых, напарница ни при каких условиях не желала идти домой отсыпаться.

– Всё будет тип-топ! Не ругайся! Ща, храпану децел и всё будет ок! – обещала она, пытаясь улечься на нижнюю полку в каморе с товарными остатками.

Спустя ещё пару часов, словно бы назло, нарисовался собственничек магазина. Идя по запаху, словно ищейка по следу, он тут же обнаружил Оксану, свернувшуюся караличком на одной из полок подсобки.

– Вот она кошечка... Спит сладенько, – довольно произнёс он, пошлёпывая Сучкову по мордасам. – Эй, корова! А ну вставай! Вставай и пошла вон отсюда!

Кстати сказать, Оксанины «мордасы», с её же слов, к ударам были привычны. Жила моя напарница с каким-то трухлявым мужичком, лет на двадцать её старше, весившим килограммов триста. Престарелый сожитель по мужской части был давным-давно несостоятелен. Зато состоятелен в прямом смысле этого слова – он был очень богат.

Оксане, ясное дело, хотелось и на ёлочку залезть, и жопу не ободрать. И секс хотелось иметь регулярный, и о деньгах не думать. До поры до времени ей удавалось вполне себе успешно обводить своего покровителя вокруг пальца. Стоит сказать, что в связях Сучкова была неразборчива, давая всем страждущим в любом месте и в любое время. Виктимное поведение рано или поздно должно было привести к фатальным последствиям. И привело...

Незадолго до выхода в магазин, Оксана на пару с каким-то странным малым бухала в низкопробном кабаке. «Фест» закончился ударом в пятак и громким падением со стула. Когда на следующий день на морде лица вскочили сразу два бланша, она тут же аргументировала их сожителю: «Вчера делала мезо и ботокс тоже делала, а потом с подружками обмывали... А сегодня вот синяки появились... Так бывает после косметических процедур».

Разгневанный «Карабас-Барабас», не поверив в сказочки, выгнал Сучкову из квартиры едва ли не в чём мать родила. Именно поиски заработка и привели Оксану в магазин, где я работала. Несмотря на синяки, всё ещё видневшиеся под толстым слоем грима, её приняли. И вот, так некстати моя напарница уснула на полочке.. Этот сладкий сонушек и стал финальным аккордом в её недолгой карьере продавца-администратора. Что с ней стало потом? Да кто его знает. Больше я её никогда не видела.

Работа в магазине, несмотря ни на что, не приносила мне ровным счётом никакого удовлетворения. Даже те деньги, которые удавалось урвать при помощи афер, являли собой кошканы слёзы. Находясь подолгу без средств к существованию, я не успевала штопать дыры в собственном бюджете. Маленький ребёнок, платная учёба... Нда, если бы не мама, если бы не её помощь, мы бы по миру пошли...

И всё же именно в тот самый период в моей жизни произошла нечаянная встреча. Встреча многообещающая, окрыляющая и обнадёживающая. Было мгновение, когда мне даже показалось, что я прикоснулась к счастью...

Глава 6

Женюсь...

Ноябрьский ветер с вечера царапал разбитое в нескольких местах и наспех заклеенное изолентой оконное стекло. Ночная «камера» напоминала одинокую ветхую лодку, заброшенную чьей-то безжалостной рукой в самое сердце коварного океана, где наступивший после страшной бури штиль казался чем-то неестественно зыбким и призрачным.

– Женюсь, – нараспев, смакуя каждый звук, тихо сказал Дима.

«Нет! Не может быть! Неужели? Неужели??? Он что, сейчас мне сделал предложение?! Да ну... Ну, да... Он сделал мне предложение!! Вот так оригинально! – от внезапной догадки моё сердце на секунду перестало биться, а потом, словно птица, вырвавшаяся из тесной клетки, встрепенулось, расправило крылья и резко взмыло вверх. – Да! Я скажу ему: ДА! Сделаю паузу, а потом скажу: ДАаа!»!

Осенью 2003 года город неожиданно преобразился, он стал каким-то торжественно-светлым. Нежно обволакивающее сухое тепло, а под ногами тонны невесомого золота. Лазерное небо приветливо и притягательно, словно бы на дворе весна. Глядишь в него и сожалеешь только об одном – об отсутствии крыльев. Да, той осенью я практически потеряла голову, и без того болтавшуюся на одной ниточке.

С бывшим коллегой по порту, работавшим на досмотре, мы столкнулись совершенно случайно. Наше знакомство было поверхностным. Дима устроился в аэропорт за пару недель до моего увольнения. О нём мне было известно лишь то, что он разведён и учится в каком-то институте. Случайная встреча завершилась каскадами цветов, конфет и приятных прогулок по осеннему Чмошску.

В тот момент многое в моём новом поклоннике казалось мне необыкновенным, казалось симпатично-притягательным. Он умел слушать, умел многозначительно молчать, от чего казался мудрым. Мне двадцать девять, ему на пару лет больше. В его жизни было многое. Была настоящая трагедия – его бывшая... она... она его не поняла, не смогла разделить порывов его светлой души. У него есть дочь от предыдущих отношений. Но он не видит, как та растёт. Ему запрещают с ней встречаться. А он страдает. Тихо. Словно бы про себя.

До чего же мы – бабоньки – можем быть глупы... До чего наивны! Нет на белом свете такой сказки и такого сюжета, нет такого мифического героя, которых бы мы не смогли себе придумать! Но вот беда, как только начинаешь сотворённое мозгом рассматривать более пристально, новые сюжеты, как и герои, тут же лопаются, подобно мыльным пузырям!

В один из вечеров Дима пришёл ко мне в гости, «вооружённый», как обычно цветами и моими любимыми конфетами. Вечерний кофе, романтический фильм и горячие поцелуи, внезапно прерванные вопросом:

– Майя, скажи, а почему ты не выходишь замуж?

– Хм... а почему ты не женишься? – вопросом на вопрос решила ответить я.

– Женюсь, – нараспев, смакуя каждый звук, тихо сказал Дима.

«Нет! Не может быть! Неужели? Неужели??? Он что, сейчас мне сделал предложение?! Да ну... Ну, да... Он сделал мне предложение! Вот так оригинально! – от внезапной догадки моё сердце на секунду перестало биться, а потом, словно птица, вырвавшаяся из тесной клетки, встрепенулось, расправило крылья и резко взмыло вверх. Да! Я скажу ему: «ДА!»

Сделаю паузу, а потом скажу: «ДАаа»!

– Скоро женюсь, – повторил он, но уже совершенно другим, каким-то чужим голосом. – У меня свадьба через неделю.

– Через неделю.... – прошептала я, совершенно не понимая сути только что услышанного.

«Странно.... Это как? Это что ли он уже всё втайне от меня решил? Всё приготовил к НАШЕЙ с ним свадьбе? Или что? Или как? Что-то я не пойму... Как это через неделю? Не понимаю.... Но разве так быстро нас смогут расписать? Ааа.. Ммммм.... Нууу, может быть он... Может он уже договорился... Так нет... Хммм.... Странно...», – мысли, словно бусины, соскользнув с порванной нити, покатались, подпрыгивая, в разные стороны. Поди теперь их собери воедино...

Отодвинувшись от желанного гостя на другой конец дивана, я молча уставилась на него.

– Майя... я всё время собирался тебе сказать... Но как-то не было повода подходящего.... Всё так глупо вышло. Я и сам не знаю, как .... Я очень запутался...и.... Но мне это только сначала так показалось, а потом я понял, что я влюбился. Да! Я влюбился, как мальчишка! Понимаешь? Я.. я тебя очень люблю, но .. Майя, я... Я бы очень хотел жениться на тебе. Это правда. Правда! Но потом я узнал, что она беременна. Понимаешь? И ей уже поздно делать аборт. Я так жалею, что я сначала познакомился с ней, а потом с тобой. Всё должно было сложиться иначе.... Пойми меня, пожалуйста! Дата свадьбы уже назначена. Я ничего, слышишь, ничего не могу уже изменить! Она с лета у меня дома живёт, с моими родителями. Ну, ты сама подумай, Майя... Ну, что ты молчишь? Дослушай меня, пожалуйста, хорошо? Ты на свадьбу приглашена. Слышишь? Ты приг-ла-ше-на! И потом, эта свадьба формальна. Она ничего, слышишь, ни-че-го в целом не меняет! Олеська для меня вообще ничего не значит! Мы так и будем с тобой вместе! Мы всё время будем вместе... Майя, ну что ты молчишь? Я тебе обещаю, слышишь! Ну, пойми же ты, я не могу ничего изменить.... Меня родители неправильно поймут. Всё оплачено... Гости приглашены. Куплено платье. И этот ребёнок, который родится... Майя.... Ну, что ты молчишь?! Я прошу, пойми меня! Я и так уже не вижу одного ребёнка. Дочку не видел чёрте сколько... Майя, ты должна меня понять...

Я не поняла.

Ноябрьский ветер, с вечера царапавший оконное стекло, стих. Закрыв за ночным гостем дверь и набросив на плечи тёплый плед, я подошла к окну. Долго всматриваясь в ночной город, я решительно не понимала, от чего он вдруг так изменился. И только потом, едва ли не под утро, до меня наконец дошло: в Чмошк пришла зима. От трепетного тепла, от невесомого золота не осталось и намёка. Мертвенный холодный саван укутал всё и вся.

Глава 7

И ещё немного бабайского ада...

Прощание с иллюзиями было невыносимым. Самое отвратное заключалось в том, что я никак не могла справиться с жалостью к себе, лившейся через край. Мне, словно бы назло, всё время хотелось плакать, уткнувшись лицом в подушку. Я прекрасно отдавала себе отчёт в том, что подобное положение не укрепляет мой дух, а напротив, делает меня уязвимой и слабой. Да, мне хотелось почувствовать себя защищённой, мне безумно хотелось быть по-настоящему нужной и важной, но у меня ничего не получалось. Угодив в самую сердцевину чёрной полосы, мне никакими судьбами не удавалось с неё свернуть. В какой-то момент, я даже подумала, что моё движение вперёд, как таковое, отсутствует, ибо я гребу не поперёк зловещей тёмной полосищи, а вдоль неё.

Разрыв с многообещающим поклонником и общее уныние, охватившее меня, не прошли даром. За пару недель до нового года я расхворалась. Организм, ослабленный стрессами, попросту был не в состоянии и дальше сопротивляться бесконечными напастям.

Простуда, свалившая меня с ног, сделала своё дело. Утром, предупредив руководство магазина о собственной хворобе, я попросила пару дней на восстановление. Те мило согласились. Как только температура снизилась до 38 градусов, я отправилась на работу. Но в магази

меня поджидал сюрприз – в моих услугах больше не нуждались. Ради справедливости стоит отметить, что здесь со мной хотя бы рассчитались.

Как только новогодние праздники отгремели я, с подсказки нашей коменды, решила попытать счастья на заводе, располагавшемся в шаговой доступности от улья. Прихватив с собой трудовую и диплом бухгалтера, я отправилась на проходную.

В отделе кадров пышногрудая бабень, облачённая в цветастое кримпленовое платье – аля, привет семидесятым, с кривой ухмылкой отбрила меня буквально с порога:

– Нам нужны только клёпальщики третьего разряда. Никого, кроме клёпальщиков, нам не нужно.

– Ну что ж... Не нужно, так не нужно, – вздохнула я и только было собралась убраться восвояси, как в кабинет, едва не сбив меня с ног, влетел странного вида молодой человек.

– Давай, срочно ищи нам нового кассира. Эту я увольняю. Сегодня у неё последний рабочий день, – распорядился он.

– Я кассир. Я могу быть кассиром, – вырвалось из меня против собственной воли.

– Вы? Ну что ж, тогда пойдёмте с вами побеседуем, – тут же предложил парниша.

Разговор наш был недолгим и очень скоро свёлся к тому, что я ровным счётом ничего в кассовых делах не петрю.

– Это не страшно, – резюмировал мой оппонент. – Нынешний кассир вас введёт в курс дела. Всё запишете под диктовку и будете работать. Считайте, что сегодня ваш первый рабочий день.

Через полчаса я уже принимала дела у Натальи, отработавшей на заводе в должности кассира без малого десять лет.

Как только дверь за моим провожатым закрылась, меня тут же накрыло мощнейшей волной негатива. Впрочем, пару часов спустя мы с моей новой знакомой уже чирикали, словно старые подружки.

– Майя, я ведь не от хорошей жизни отсюда бегу, понимаешь? Если бы всё было нормально, я бы тут и дальше работала! У нас сейчас ужас, что творится на заводе. Этот косматый косоглазый, что тебя привёл – знаешь кто он?

– Нет... не знаю...

– Ха! Он заместитель генерального директора нашего завода! Сопля вот эта зелёная, вот эта вонючая сопля, которой нет ещё и двадцати пяти! Он у нас член, – акцентировав на этом слове собственное внимание, продолжила Наталья, – антикризисной группы, прибывшей из Москвы. Только ни для кого из нас не секрет, с какой истинной целью эти бесы сюда явились. Их задача – обанкротить наш завод, чтобы потом продать с молотка, а денежки между собой разделить. Они воры! Они просто бандиты!

– Но ведь это не так-то просто, да и потом....

– Что потом? Потом – суп с котом! Короче, Майя, дело твоё, конечно, можешь принимать у меня дела, я не против. К тому же мне всё равно, кому их передавать. Но я тебя честно предупредила, какие дела тут грядут. Если есть голова, то думай, если нет, то я тебе сочувствую! Лично меня отсюда «уходят» только потому, что подмахивать им документики отказалась. Они потом будут в стороне, а кассира посадят! А мне оно надо?! Сама знаешь – у нас в стране первая пуля всегда стрелочнику достаётся!

И всё же я стала принимать дела....

Добрых четыре часа я старательно фиксировала едва ли не каждый Натальин вдох, едва ли не всякое её движение, а потом, когда практически всё было рассказано-пересказано и записано, я произнесла сакраментальное:

– Наташа, вы меня простите, но... мне кажется.... я не справляюсь с этими обязанностями. Понимаете, цифры и я – это какие-то параллельные вселенные, которые никогда не

пересекутся. Я, пожалуй, последую вашему наставлению. И я ... я не останусь тут... Пусть они воруют всё это как-нибудь без меня....

Как только часовая стрелка достигла шести, мы на пару с Натальей навсегда покинули пределы старого завода, который действительно в скором времени был обанкрочен и закрыт.

И снова поиски. И снова «у попа была собака, которую он беззаветно любил...».

Стоит быть честной и откровенно признаться: в те годы я не особо старалась найти себя, найти собственное предназначение или дело всей жизни. У меня были совершенно иные цели и приоритеты. Первая задача сводилась к элементарному выживанию. Вторая – во что бы то ни стало мне нужно было успешно закончить университет. Всё, что должно последовать за этим, меня мало волновало.

И всё же, череда неудач в какой-то момент заставила меня задуматься: быть может, я что-то делаю не так? Быть может, идея работы на дядю просто себя изжила, но я, тупо игнорируя звоночки, посылаемые мне миром, цепляюсь за то, от чего давно пора отказаться? Подобного рода измышления привели меня к теме сетевого маркетинга. Нет, это была не компания «Амвей», которой сестра Оли Хрюшкиной прожужжала мне все уши. Это была только-только появившаяся на рынке компания, решившая посредством бинарной системы нести в массы чай и кофе, притом довольно высокого качества и за весьма умеренные деньги.

Став членом команды, я приступила к активным действиям. Жёстко следуя алгоритму, спущенному мне вышестоящим спонсором, сутки напролёт я читала книги по сетевому маркетингу, делала «холодные» звонки с общежитской вахты (сотового телефона у меня до сих пор не было) и, конечно же, проводила презентации и встречи. Чем больше встреч и презентаций было, тем больше я слышала в ответ: «О, да! Прикольная идея, но я покупаю всё это в магазине один раз в полгода, и меня всё устраивает. Зачем мне ваши три пачки чая и три банки кофе каждый месяц? Я столько не выпью! А работать на подарки для друзей и знакомых я не вижу смысла, так что простите, но нет»!

По истечении двух месяцев я, злая, как чёрт, плюнула на весь этот MLM-бизнес, не заработав ни копейки. В подобной схеме добывания денег меня добивало два момента. Во-первых, монетизировать собственную деятельность действительно было архисложно, во-вторых, проводить бесконечные однотипные презентации, слыша в ответ: «Нет»! – надоело бы кому угодно. История с MLM довольно сильно перекликалась с историей про человека, которого сто раз называли свиньёй. Поначалу он не верил и активно сопротивлялся, потом свыкся, а впоследствии и вовсе захрюкал. Так и я. Получая раз за разом отказы, выслушивая негатив, я утратила всякую веру в то, что я действительно несу людям благо. Несу перспективы и возможности. А ещё я поняла: продажник из меня, как из дерьма пуля.

Примерно в это самое время мне совершенно случайно попалось на глаза объявление о том, что некий автохолдинг ищет менеджера по аренде. Совсем скоро с умным видом я уже восседала на стуле за рабочим столом, на котором был установлен громоздкий компьютер.

Вышеуказанные «Рога и копыта» запомнились мне надо-о-о-го, если не сказать навсегда! Никогда прежде мне не приходилось видеть столь гигантского молоха, перемальвающего, перетирающего людей в пыль.

Первое, что шокировало меня едва ли не с порога, это история Светланы, поехавшей на похороны собственной матери. Пока девушка прощалась с самым близким и родным человеком, её... уволили. Глава компании рассудил предельно простенько: «Работа – прежде всего! Достойное место пустовать априори не может»! Вернувшись через четыре дня, Светлана с изумлением обнаружила, что за её рабочим столом сидит новенькая девочка, а саму её никто уже не ждёт. Света молча прошла в кассу, чтобы получить расчёт. Увы, но и там девушку ждало разочарование – ей ничего не заплатили. Жаловаться куда-либо было бесполезно – никто из «чернового» персонала автохолдинга не был трудоустроен официально.

Примерно через неделю всё в моей голове относительно работодателя окончательно сложилось, всё встало на свои законные места. Бизнесок господина Шмордина, имевшего полудебильный вид, был нехитрым. Закупив прямиком с заводского конвейера новенькие ВАЗы, он решил их перепродать, но перепродать по довольно хитрой схеме. Суть «изобретения» состояла в следующем: машина могла быть выкуплена только на условиях аренды. Всяк, желающий приобрести железного коня, заключал с автохолдингом договор. Из условий этого документа следовало, что человек получал право пользоваться машиной на условиях её аренды уже в день подписания договора, при этом он автоматически становился таксистом. Попавшийся на удочку мужичонка, был обязан каждый вечер сдавать жёстко установленный денежный лимит в местную кассу.

Часть «оброка» – тридцать процентов – шла в счёт уплаты долга за авто, а оставшиеся семьдесят взимались с горемыки за разного рода «услуги». Первая и последняя из коих – услуга операторов, сбрасывавших таксистам заказы.

В мою задачу входило документальное оформление всех желающих приобрести «золотое» авто. А в том, что машинка действительно «золотая», ни у кого сомнений не возникало уже в первый месяц «выкатки» (именно так называлась сия прекрасная процедура). Классик когда-то заметил: «Не всякая птица долетит до середины Днепра», я позволю себе немного переиначить его слова: «Не всяк, подписавший договор, смог машину выкупить», ибо бизнес-модель была просчитана с сатанинской точностью. Основная цель Шмордина состояла в том, чтобы обратить человека в раба «лампы» о четырёх колёсах. Если в течение года бедняга не успевал отстёгивать указанные в договоре суммы, то его тут же ставили на счётчик, а сам срок аренды с последующим выкупом начинал исчисляться по новой.

Как правило, сценариев было всего два. Львиная доля «играла» по сценарию номер один, а именно: устав от бесконечной погони за собственным хвостом, мужики плевали на суммы, выплаченные ими за автомобиль, и просто уходили, ничего не имея на руках. Деньги, по условиям договора, конечно же, не возвращались. Второй сценарий был не на много позитивней. Машина всё же выкупалась ценою невероятного пота и крови. Но! Во-первых, за год бесперебойной эксплуатации она, как правило, находилась в довольно плачевном состоянии, а во-вторых, чтобы выкатать «коня», нужно было крутить баранку двадцать четыре часа в сутки, нужно было в буквальном смысле слова жить в машине.

Таким образом, шмординский парк разрастался со скоростью звука, машины, словно эстафетная палочка, каждый месяц переходили от одного почти собственника, к другому такому же «почти».

Весть об очередной афере довольно быстро облетела город. Дураков с каждым месяцем становилось всё меньше и меньше. Чтобы удержать входящий трафик на высоком уровне, в ход шли всё новые и новые уловки. Автохолдинг едва ли не каждую неделю менял «вывеску», в местных СМИ бесконечно публиковались объявления: «Аренда авто с последующим выкупом на очень выгодных условиях», где указывались новые контактные данные.

В какой-то момент вышеобозначенные уловки народ проглотил, но довольно быстро шило снова выскочило из мешка. И тогда Шмордин решил открыть несколько офисов в разных частях города, мол, МЫ это не ОНИ!

Меня и пару таких же дурочек тут же вышвырнули из помещения центрального офиса со словами:

– Завтра будете оформлять мясо по Иваницкого, 117, приедете на место, вас проконсультируют, – велел заместитель хозяина жизни.

А «мясо» всё шло и шло. Все желали халявы, быстрых денег любой ценой, не особо запариваясь деталями и тонкостями, указанными в договоре. Да мы и сами чувствовали себя ровным счётом таким же мясом, как и эти мужики.

На сей раз моя головная боль состояла в единственном: я хотела, во что бы то ни стало доработать месяц и получить свои кровные, но именно в этом самом месте я напоролась на ещё один подвох. Ублюдочный Шмордин был парень не промах. Зарплата выплачивалась один раз в месяц, аккуратно двадцатого числа. Человек, решивший уйти из этой гадской конторки, был вынужден тянуть до последнего, лишь бы только дожить до двадцатого, а там, получив крохи, сбежать. За отработанные три недели нового месяца никакого расчёта, разумеется, не было.

Нас словно слепых котят каждый день перебрасывали с точки на точку. Через пару недель ажитации всем девочкам вручили по пачке объявлений:

– Идите и расклеивайте везде, где только сможете! За каждой из вас закреплён определённый участок. Что это за участок, узнаете у Слепова. Когда всё расклеите, вашу работу проверят. И не дай бог, объяв не увидим!

До двадцатого апреля оставалась пара-тройка дней. Таскаясь по городу с дурацкими бумажками, я сто раз успела промочить ноги, но всё же добросовестно выполнила задание. «Только бы дожить до среды, только бы получить заработанное, – ныло внутри, – получу зарплату и тут же сбегу»!

Так и вышло. Деньги я получила и была такова. Но приступить сразу к новым поискам работы у меня не вышло. Во-первых, нужно было готовиться к госамам, до которых оставалось хрен да маленько, а во вторых, я покрылась чирьями....

Глава 8

Валька-целкин и её «мордасти»

Лежа на диване в позе «нараскаряк», мне почему-то думалось об одном и том же. Мне думалось о пресловутом стакане воды, который многие желали бы получить в старости. То ли поза располагала к подобным измышлениям, то ли эстетический и болевой шок, в коем я находилась.

Ну, ладно бы просто чирий, и ладно бы один, ну, хорошо – два... Нет! Всё это для слабаков! На моём прекрасном теле вылезло сразу семь(!) чирьев и все они сконцентрировались в одном очень даже интересном местечке. Тот, кто догадлив, исходя из указанной выше позы, уже понял, где именно находился их «палисадник». Да! Именно там, где их меньше всего ожидаешь!

Адский ад! Не встать! Ни сесть! Ни лечь! Ни повернуться! Не шелохнуться! Не вздохнуть, ни пердануть! Ну, что сука за жизнь такая?! Спасало только одно: бесконечные визиты новой соседки, которую с чьей-то лёгкой руки все прозвали Валька-целкин.

Валюша, годившаяся мне по возрасту едва ли не в бабушки, перебралась в улей не так давно. Приземлившись на втором этаже, аккуратно через три комнаты от меня, она тут же принялась со всеми обитателями налаживать мосты да выискивать новые броды. Сделав скромный ремонтик в камере под кодовым названием «большой гробик», Валюша зачастила ко мне с бесконечными визитами вежливости.

Если бы не целкин, то моё прискорбное существование наверняка свело бы меня в могилу, не иначе – столь худо мне было. Зато с Валей грустить не приходилось. Забегая ко мне по нескольку раз в день, она, словно сорока на хвосте, приносила последние новости:

– Нет, ты только подумай, да какого состояния нужно нажраться, чтобы насрать в комнату соседей?!

– То есть?

– Степаныча знаешь? Ну, этот, который бывший лётчик? Который с третьего этажа?

– Ммм... да вроде знаю... Такой маленький тихий мужичок?

– Ага, тихий! Это он пока трезвый, так тихий! А как нажрётся, так куда скромность пропадает?! Жена его выкинула из дома и правильно сделала, так он теперь тут паскудит! Допился по потере вида люДСкого! Вчера с вечера, представляешь, начал пить, и что-то ему в собственной комнате не понравилось, так он вытянул свой матрац в коридор и улёгся на него прямо у

всех под ногами. Люди ходили по коридору, переступая через него! А оно им надо?! Но так это ж не всё! Ближе к ночи этот козёл проснулся и по стеночке пошёл в туалет. На ощупь пошёл, понимаешь ли! И не дошёл! Первая дверь, которая открылась под действием его тычков, и стала для него туалетом. Представляешь?! Скот разэтакий! Нассал Верке Жамовой прямо в комнате! Прямо на холодильник! Верка этого гада чуть было не убила! Благо соседи выскочили и оттащили её!

И всё же чаще всего Валя-целкин делилась не столько общежитскими новостями, сколько историями из собственной буйной молодости. Из её исповедей следовало, что принадлежит она к давным-давно разорившемуся дворянскому роду. Когда Валюшке было два или три года, её мать умерла, а отец тут же привёл в дом молодую особу, которая не давала спуску никому, включая самого хозяина дома. Детство моей соседки было не просто мрачным, а по-настоящему трагичным. Не видя с младых ногтей никакого тепла, став взрослой, она так и не уяснила для себя, что же это за субстанция такая – «сердечное тепло»? Замуж Валя выходила сто пятьдесят раз, в каком-то из браков родилась дочь Юля, с которой вот уже три года они были в ссоре и совершенно не общались.

Впрочем, не стоит думать, что Валюша своими душещипательными историями пыталась меня задобрить или вызвать во мне чувство жалости. Нет! Львиная часть её болтовни состояла из разного рода, как ей самой казалось, «поучительных» историй, коими она щедро делилась со всеми без исключения. Истории, честно сказать, были так себе...

– Ой, если бы ты, Майя, знала, как тяжело жить на подселении! Да я сейчас, в общежитии, прям, как на свет божий народилась! Живу себе и живу, никому ничем не обязана! Тамара Ивановна обещала мне, что скоро пристроит меня на вахту. Буду тут жить и тут же работать! Чего ещё от жизни нужно?! Я ведь сюда чего попала? На подселении жила с бабкой старой. А эта карга решила меня выжить. Представляешь, что творила? У меня перед входной дверью половичок вязаный лежал, так она брала и срала на него! Возьмёт тварь говна наложит и свернёт его аккуратненько. Я раз убрала, второй, потом давай с ней ругаться! А эта старая калоша прикидывается святошей, мол, она ничего не знает, у неё вообще плохо с головой. Не видит она ничего и не слышит! А кто, скажите, пожалуйста, мог мне срать на порог, если нас в квартире всего двое?! Ну, думаю, старая гадина, подожди у меня! Я тебя проучу! И проучила! Снова как-то выхожу из своей комнатки на кухню, а у меня опять половичок конвертиком сложен. Ну, всё! Я его как схватила, как побежала к ней и – мордой, мордой её в говнище! Сама вся измазалась, но старуху её же отходами накормила! И что ты думаешь?! После этого она стала божьим одуванчиком. «Валюша, доброе утро! Валюша, спокойной ночи!» Так-то! А теперь вот и вовсе дали комнату в общежитии, так я теперь лётая от счастья!

Стоит сказать честно: Валя до одури обожала делиться с народом собственными любовными похождениями. Её не нужно было мёдом кормить, дай только возможность опростаться!

Лёжа на диване в форме звезды, я страдала, но ещё больше страдали мои уши, заворачивающиеся в трубочку от очередной байки из соседского склепа. Слушая похождения разбитной бабёнки, я приходила к единственному выводу: о, боги, как же скучно я живу!

– Ты, Майя, если начнёшь шашни с женатиком крутить, то никогда не соглашайся к нему домой ехать! Это чревато! Уж, поверь мне, старой бл*ди! Я тебе всё как на духу поведаю. Был у меня однажды такой случай... Я ещё тогда была молода, лет сорок пять, не больше, ну и закрутила роман с одним парнягой. Ой, какой он красавчик был! Ммм! Вообще, слов нет! И так у нас всё завертелось, так всё быстро пошло, что он меня к себе домой пригласил. Я и поехала безо всякой задней мысли. Ну, приехала, то да сё, в кровать уволились, а тут вдруг дверь спальни открывается, и девка какая-то стоит и смотрит на нас. Я, конечно, в крик, мол, ты кто такая и как сюда попала?! А это жена оказалась... Кончился этот мой поход тем, что она мои чулки да платье в окно вышвыривала, а я в чём мать родила уже на улице тряпки собирала и наспех одевалась. Соседей мы тогда хорошо посмешили. Благо всё было в районе,

где меня никто не знает. Короче, учись на моих ошибках, дорогая! Я ими очень даже щедро с миром делюсь!

Среди множества историй, история про селькупа стояла особняком. О том, собственно, что такое «селькуп», я узнала именно от Вальки-целкин.

Каким-то странным образом вышло так, что не успела моя героиня заселиться в улей, как уже через несколько дней население нашего адского теремка разделилось на два лагеря: первые Валушку возлюбили и говорили о ней с нескрываемым обожанием, вторые – возненавидели, аки inferнальное творение, прилепив к ней это самое «целкин». Колонну «последних» негласно возглавлял мой сосед, живший аккуратно напротив Вали. Увы, но по прошествии многих лет, я давно позабыла, с чего же именно конфликт разгорелся. Зато я точно знаю, чем он продолжился.

– Сучара премерзкая! Селькуп поганый! Козлопас смрадный! Знаешь, что он вчера натворил?! – с выпученными глазами визжала Валя, в очередной раз забежавшая в мою обитель. – Он мне пыль из пылесоса вытряхнул в тапочки! В мои новенькие тапочки с помпонами! А я ему всё это вернула! Открыла дверь комнаты и – уух всё через порог обратно! Так он мне сегодня утром кастрюлю на газе врубил на всю катушку! Это он! Он! Больше-то некому! Я это точно знаю! Я поставила кастрюлю на маленький огонь, а он мне накрутил! У меня кастрюля сгорела, вся полуда отстала! Моя единственная кастрюля! И вся жратва сгорела!

– Подождите, я не понимаю, о ком вы говорите?

– Как о ком? Да о селькупе этом чёртовом! – взвилась Валя больше прежнего. – О ком же ещё мне говорить?!

– Я всё равно ничего не понимаю....

– О хряке я говорю! О хряке, который живёт напротив меня, – он селькуп! Селькуп!

– Стесняюсь спросить, что значит селькуп? Это что-то ругательное? – со страшной силой тупила я.

– Да по национальности он селькуп! Козлопас смердящий! Вот он кто! Чего тут непонятного?! Я кастрюльку свою, конечно, выбросила, но только пусть он не думает, что ему это с рук просто так сойдёт! Я в церковь сегодня ходила. Хм.. и поставила ему там свечу за упокой! И завтра пойду, и послезавтра! А ещё закажу, чтобы его там отпели!

Хоть я и не была воинствующей христианкой, но от услышанного волосы на моей голове привстали дыбом! Это ж надо было до такого додуматься...

История с «селькупом», который, кстати сказать, был вполне себе нормальным мужиком (во всяком случае, точно не самым худшим в улье), заставила меня пересмотреть некоторые позиции относительно Валуши. Больше целкин не казалась мне обычной перезревшей дурой. Открывшиеся нюансы заставили меня постепенно свести к нулю частоту её визитов ко мне. А лет через пять, когда Валя перебралась на четвёртый этаж в комнату больших размеров, наши отношения ко всему прочему окончательно испортились. А причина была следующей.

В один из летних дней Валя-целкин сидела в компании какой-то бабёнки на лавочке, расположенной с торца улья, перетирая кости очередной жертве. Рядом с ними «пасса» котальбинос – Валино приобретение, которое она всякий вечерок выгуливала на верёвочке.

Я же, выйдя из подъезда соседнего дома в сопровождении Ларисы-Челюсти (о ней будет рассказано позже), направилась в сторону улья. За нами на некотором отдалении следовал Ларискин сожитель – Мишель вместе со своей немецкой овчаркой. Не дойдя до угла общаги метров десять, мы с Лорой остановились, чтобы попрощаться. Именно в этот момент Миша, спустив собаку с поводка, стал прикуривать сигарету, борясь с ветром.

– Валентина Ивановна, вы бы кота своего убрали подальше, а то собака может его напугать, – решила предупредить я свою соседку, увлечённую травлением очередной байки.

Вслед за моими словами собака, заметив белобрюсого толстяка на цветастом пояске, ломанулась в сторону безмятежной троицы. Кот же, узрев огромное чудище, движущееся на

крейсерской скорости напрямик к нему, на всякий случай решил спастись на голове своей хозяйки. Казалось, прошло не более секунды, но рокировка в корне изменилась и выглядела следующим образом. Мы с Лариской застыли в немом ужасе. Миша, выбросив сигарку, тщетно призывал к себе Жоржа, которого не интересовало ничего, кроме неведомой зверушки, вцепившейся в и без того редкие волосы Вальки-целкин. Сама же она, взобравшись на лавку, визжала, как скаженная, пытаясь содрать с головы кота:

– Суки! Суки! Уберите от меня вашего шакала! Я вас всех под суд отдам! Всех!

На следующее утро Валуша, увидев меня, готова была вырваться из собственной шкуры:

– Вот она! Суканка паршивая! Меня из-за тебя чуть собственный кот не убил! Чтоб тебе пусто было! Да чтобы тебе! Да я тебя...!

– А я-то тут при чём, стесняюсь спросить?! Эта не моя собака! Идите и орите на её хозяев... Я вас наоборот предупредить хотела...

Увы, но никакие доводы рассудка на целкин не действовали. Она ещё очень долго орала, а проклятия, сыпавшиеся на мою голову, слышал весь улей и добрая половина порта.

Глава 9

Любятинка

Чирии, благодаря дедовскому способу лечения, сошли довольно быстро. Теперь всё моё внимание сосредоточилось на подготовке к гос. экзаменам. Предстояло не просто сдать «ТПГ» и «Уголовное право», но и написать диплом на тему «Институт смертной казни в уголовном праве России». Описывать диспозиции и санкции статей УК РФ мне показалось делом замудрённым и ужасно скучным, посему я решила пойти нестандартным путём, предложив дипломному руководителю собственную тему. Как только «смертная казнь» была утверждена, я тут же ринулась во всевозможные библиотеки в поисках нужной инфо. Там, где взять книги с собой не удалось, были сняты копии или произведены выписки от руки. Вооружившись «летописями», я отчалила в Залупцы.

Не стану утомлять своего читателя деталями и подробностями подготовки и самой сдачи госов, ибо тот, кто «плавал», тот ведаёт. Скажу главное – экзамены и сама защита прошли блестяще! За тремя пятёрками последовало вручение красного диплома. Взяв его в руки, я ощутила лёгкость бытия! Вот оно! Вот то, что сделает меня свободной от разного рода напрягов и печалей, связанных с поиском работы. Теперь-то я смогу обрести все смыслы, смогу найти отдушину и даже деньги! Если ты имеешь за пазухой заветную картонку, на которой значится «Диплом», все двери перед тобой распахнутся! Да, именно эта чушь звучала в тот миг в моей голове!

Увы, но наличие «корки» ничего не изменило. Во всяком случае рассчитывать на приличную работу я по-прежнему не могла. И тогда было решено обратиться к Михаилу Семёновичу, тому самому, который поспособствовал моему поступлению в школу милиции.

Семейство Сергеевых было мне радо. Обменявшись парой-тройкой дежурных вопросов и ответов, я приступила к главному – изложила цель визита.

Дядя Миша, к тому времени вышедший на пенсию, пообещал чем-нибудь помочь. Признаться честно, я не особо рассчитывала на его протекцию, хотя и не исключала её полностью.

Летние денёчки несказанно радовали. Несмотря на отсутствие денег и работы, у меня было наипрекраснейшее настроение. Ведь самое страшное, как мне казалось, осталось позади. Новые горизонты виделись мне радужными, а перспективы многообещающими.

В знак благодарности самой себе за отлично сданные экзамены я решила немного расслабиться и побаловать себя поездками на городской пруд. Перерывы, как обычно, были посвящены поискам работы.

В одно из воскресений мы отправились к водоёму в тесной компании: Оля Хрюшкина и её сестра Наташа с мужем. День пролетел, словно бы миг. Кажется, только приехали, а уже

пора возвращаться домой. Да, отдыхать в компании было куда интересней, нежели жариться на солнцепёке в одиночку.

Оказавшись на остановке, Наташа разговорилась с подошедшим к ней парнем. Я не придала этому ровным счётом никакого значения и специально отошла подальше, чтобы не мешать их беседе. Подъехавший к остановке автобус, которого мы ждали целую вечность, всё расставил по своим местам.

Максимилиан, а именно так звали Наташкиного бывшего одноклассника, оказался вместе со мной на задней площадке автобуса. Кондуктор, подошедшая к нам за расчётом, совсем не удивилась, услышав: «Мне два билета. За себя и за девушку», чего нельзя было сказать обо мне.

– Ну зачем же, – несмело возразила я. – Не нужно, я сама...

Как только мои глаза встретились с его зелёными улыбающимися глазами с прищуром, я поняла главное: кажется, я пропала...

Роман, начавшийся столь тривиально, развивался примерно так: шаг в сторону, два вперёд, три назад, снова пара шагов влево, а потом четыре вперёд и восемь шагов на северо-запад...

Я до сих пор не знаю, каким словом определить то, что со мной случилось. Нет, это не была любовь с первого взгляда, скорее это была болезнь – тяжелейшая инфекция, с которой первое время я даже не боролась. Если бы мною был вовремя найден антидот, если бы я жила в другом районе города, если бы, если бы да кабы...

Однако вышло, как вышло. Максимилиан, или Макс, как он сам просил себя называть, оказался моим соседом. Из единственного окна моей «камеры» были видны окна его квартиры, расположенной в доме напротив улья. Данное обстоятельство и выступило в роли того самого элемента, который многие называют словосочетанием «злой рок». И вот почему. Не будь мы соседями, я бы в разы быстрее смогла пережить новое любовное фиаско, мои глаза не искали бы свет в его тёмных окнах, а сама я не находилась бы в состоянии хронического ожидания чуда. Не зря говорится: с глаз долой – из сердца вон. У меня не получалось не смотреть на то, что отныне располагалось под самым моим носом.

Макса нельзя было назвать красавчиком, увы, но и умным назвать его было невозможно. Нет! Он был и остаётся типичным прожигателем жизни. Человеком безответственным и совершенно ненадёжным. В отличие от меня, он не имел за плечами опыта семейной жизни, что в общем-то не удивительно, ведь он был моложе меня на целых два года. И тут самое время вспомнить ещё об одной истории с «зароком», той самой, когда разведясь с Жоповым, я пообещала самой себе: «Ни-ког-да и ни за что я больше не свяжусь с чёртовым малолеткой! Даже если он будет младше меня на полчаса!»

Но что такое зарок? Что такое обещание, данное себе в минуту огромной душевной боли, в минуту невероятного отчаяния?! Да ничто! Пустой звон! Лишь только пригреет солнышко и где-то вдалеке раздастся трель соловья, мы тут же, позабыв обо всём на свете, с радостью устремляемся навстречу новым ошибкам и новой боли. Расправив едва зажившие крылышки, мы отчаянно летим на огонь, до последнего надеясь, что в этот раз всё будет иначе.

Как бы ни было прискорбно, но львиная часть влюблённых девочек, девушек и женщин устроены одинаково, словно бы нас всех кроили по одному шаблону. Мы готовы прощать предмету собственного обожания всё и вся, лишь бы только иногда иметь возможность прикоснуться к вожделенному «принцу», пусть даже взглядом. Мы ничего не просим, не требуем, довольствуясь тем, что нам изредка швыряют. Мы очень часто придумываем себе то, чего никогда не было и быть не может. А придумав, невероятно страдаем, не получая ничего из того, что сами себе наобещали от его имени...

Вот и я наобещала. Собрав воедино обрывки ничего не значащих витиеватых слов, красивых, но пустых рассуждений, планов на будущее, коим не суждено было никогда сбыться,

я сплела бриллиантовую паутину, сковавшую мою волю и моё желание всё прекратить, поставить точку.

Вечерние прогулки под полной луной, взявшись за руки. Ночи на качелях с бутылкой шампанского и конфетами. Танцы под дождём и разговоры до утра у костра на пляже. А потом мучительное ожидание новой встречи, желание услышать его голос, и ноющая боль, вызванная нестерпимым желанием прикоснуться к нему, провести рукой по горячей от солнца щеке.

Макс, умысленно или случайно, действовал по доказано-эффективному принципу: «Чем меньше женщину мы любим...». Он появлялся и снова пропадал, чтобы появиться, когда ему самому захочется. Демонстрируя подобное поведение, он был до последней степени уверен в том, что он желанен, он нужен и ему всегда рады.

Данная картина «маслом» довольно быстро меня утомила. Отсутствие внятной перспективы в отношениях, которые и отношениями-то назвать было сложно, побуждали меня к попыткам всё выяснить. Однако расставить точки над «Й» не получалось, ибо Макс вёл себя, словно уж на сковороде. Он делал большие глаза, уходил от прямых ответов, переводил всё в шутку, снова пропадал на пару недель, а то и больше, делал вид, что не понимает, чего я от него хочу и т.д. Мне же хотелось одного: или – или. Или – пан, или – пропал, но, одного моего желания было недостаточно.

Глава 10

Таможня даёт «добро»!

В конце августа обозначился дядя Миша.

– Майя, я узнал по своим каналам, что есть одно местечко в таможне. Пойдёшь? – поинтересовался он.

– Конечно, Михаил Семёнович! Конечно, пойду! А что это за местечко? Чем мне придётся заниматься?

– О, этого я не знаю. Туда столько блатных лезут, что будем брать то, что достанется! Тебе какая разница? Главное ведь зацепиться, а там, глядишь, всё пойдёт в гору.

Мысль о нормальной работе вознесла меня на седьмое небо! К тому же новые заботы давали шанс отвлечься от любовных переживаний и поражений.

Следом за разговором последовал сбор документов, медицинская комиссия, которая на сей раз прошла легко и даже быстро. Как только я подписала приказ о приёме на работу с испытательным сроком в полгода, меня тут же отправили в учебку. В ней всем до единого будущим таможенникам в течение месяца читались разнообразные лекции о видах таможенного режима, процедурах, пошлинах и прочем. По окончании учебки всей нашей группе, состоявшей из двадцати разномастных человек, предстояло сдать несколько экзаменов и только после этого мы могли быть допущены к работе, при условии, что экзамены сданы успешно.

О группе, с которой мне довелось учиться, стоит всё же сказать пару слов. Из двадцати слушателей юридическое образование было только у меня. Остальные товарищи были кто в лес, кто по дрова: музыканты, парикмахеры, продавцы, инженеры, был даже бывший директор ателье – одним словом, все те, кому попросту повезло с родственниками или друзьями.

Сдав всё прослушанное на «отлично», я попала в отдел дознания. Возможно, у некоторых возникнет вопрос: «А почему дознание»? Вопрос, конечно, интересный, вот только ответа на него у меня поначалу не было, но он скоро появился. Дело было так: в нормальные отделы приняли тех самых парикмахеров и музыкантов, ранг блата которых был кратно выше моего. Меня же, словно затычку засунули туда, где оставалась последняя дыра, руководствуясь принципом: «на тобі, Боже, що мені не гоже»!

Аркадий Евгеньевич, мой непосредственный руководитель, был большим эстетом и затейником, но ещё большей мразью. Он обожал блюз, вино «Молоко любимой женщины» и чтобы всегда последнее слово оставалось за ним. Очень скоро выяснилось, что в конторке под названием «таможня» моего начальничка никто на дух не переносит, а сам отдел дознания

считается помойной ямой, трудиться в которой желающих во все времена было между «совсем мало» и «очень мало».

Должность дознавателя во всех её аспектах явилась для меня новым горизонтом, достичь которого было не просто даже человеку с опытом работы в милиции. Мой личный опыт был поистине плачевен: отсутствие юридической практики как таковой. Цифра доставленных мною в дежурку маргиналов никого не интересовала и моей ценности как профессионала не увеличивала. Конечно, о том, что такое предварительное расследование или следственные действия, я имела представление, но оно находилось исключительно в области теории.

Моим коллегам по учебке в их отделах были рады, всякому назначили наставника, составили адаптационный план, в течение дня по несколько раз брали обратную связь в части пройденного на практике материала. Меня же встретили прохладно, если не сказать – холодно, и прежде всего потому, что на данное место Аркадий Евгеньевич желал пригласить кого-то из своих знакомцев, однако, повернуть этот финт ушами ему не позволили. Про введение в должность или наставничество вообще не было никакой речи.

– Вот тебе стол, вот тебе стул, Лисицына. Садись и работай. И, да, кстати, завтра тебе нужно смотаться на Хутынскую, 89, взять объяснения с Аскарали Бакытовича Рахимова, подробности тебе расскажет Светлана. – Таковым был мой первый рабочий час.

На следующий день я отправилась на поиски Аскарали Бакытовича, найти коего оказалось не так-то просто. Блуждая по колено в грязи по задворкам частного сектора, я вообще не понимала, в какой город, а главное – время – меня занесло. Кругом покосившиеся хибары на курьих ногах, разбитые колеи, поваленные деревья, непонятная нумерация, но самое главное – странные люди, искоса смотрящие на меня из подворотен. Блукание в местных катакомбах невольно заставляло задуматься: а вернусь ли я отсюда целой и невредимой...

С горем пополам найдя восемьдесят девятый номер, я тихонько постучала в окно, которое от моих ударов едва не вылетело. Некоторое время ничего не происходило. Тогда я повторила попытку. И снова тишина, закончившаяся глухим: «Чаво надоть»?

Дверь приоткрылась, и на пороге появилась древняя старуха с крючковатым носом, совсем как у бабоньки Яги.

– Здравствуйте! Мне бы Аскарали Бакытовича...

– Кагой?

– Аскарали... Ну, Рахимова.. Он тут живёт?

– Да чёрт их разбере хто ваны такие. Живуть... По мне, так уси воне на одну морду.

Но седни никого нимае дома.

Быть может и хорошо, что Бакытовича в тот день застать на месте не получилось. Антуражи, меня окружавшие, не сулили ничего доброго. Кто знает, чем мог завершиться мой порыв взять у него объяснение по уголовному делу...

В отделе дознания было всего пять человек, включая начальника. Всяк из них был погружён в свои дела. Заниматься мной ни у кого не было ни времени, ни желания. Первый месяц дни напролёт я тупо сидела уткнувшись носом в Таможенный Кодекс, от которого меня уже тошнило. Ни вопросов, ни заданий, ни чего бы то ни было...

С неимоверной тоской я ожидала трёх вещей: обеденного перерыва, окончания рабочего дня да дня дежурства, когда мне приходилось работать на вахте, расположенной на первом этаже, вместе с ребятами из других отделов.

Обеденный час был мною любим за возможность выйти прочь из кабинета дознания хотя бы на пятьдесят пять минут. Мне было приятно общаться с коллегами из других подразделений. Все они шумно радовались обрётённому коллективу, новому функционалу и иным предоставившимся возможностям.

При входе в соседние отделы с порога ощущалась здоровая атмосфера. Было видно, что люди увлечённо трудятся, что им нравится пребывать в своём рабочем пространстве. Оказав-

шись в нашем отделе, невольно хотелось оглянуться по сторонам и, удивлённо подняв левую бровку, спросить: «Ребята, а гроб-то с покойником где? Вы его предавать земле будете или тут у себя насовсем оставите?»

Дежурства на вахте чем-то отдалённо напоминали работу в дежурной части, только к нам никого не доставляли. Вахта служила неким аккумулятором информации, распределяемой далее по отделам или по другим таможенным постам.

Впрочем, в одну из моих смен всё же в дежурку, назову её так, обратилась потерпевшая.

– Меня тока шта изнасиловали, – едва ворочая языком заявила «барышня» маргинального вида.

– Кто же вас так, милая? – решил подшутить один из моих коллег.

– Та кто его знает! Не знаю... Кароче, я ничё не знаю... Он сзади пристроился... Раком меня загнул, паразит! Я его самого не видела, видела тока ботинки военные на шнурках...

Столь откровенный пассаж невольно вызвал взрыв смеха.

– Это вам, женщина в милицию надо!

– А вы кто? Вы чё, не милиция?

– Мы таможня. Милиция дальше, следующее здание.

– Ааа... Ну так бы и сказали... А то кто он, да чё он...

Свою блатную работу в таможе я до сих пор вспоминаю не только с содроганием, но и с невероятным отвращением. Четыре месяца моей жизни прошли в каком-то забытии. Порой мне казалось, что время остановилось и всё, что со мной происходит, никогда не закончится. Триггером, спровоцировавшим всю последующую цепь событий, послужила моя поездка на СВХ (склады временного хранения). Именно туда в один из дней Аркадий Евгеньевич меня и заслал для оказания помощи Светлане – старшему дознавателю по особо важным делам.

Дело и впрямь оказалось «особо важным». На границе с соседней страной была задержана партия контрабандных шуб из натурального меха, женских сумок и обуви опять же из натуральной кожи. Моя задача сводилась к тому, чтобы помочь Светлане открыть все товарные места, или коробки, говоря простым языком, и путём банального пересчёта, зафиксировать количество единиц на бумаге. Теперь уж не вспомню точно, два или три дня пришлось нам убить на все эти потрошения и арифметику, да это и не суть важно. Важно иное. Обнаруженное в коробках фиксировалось на обычной бумаге формата А-4 обычной ручкой от руки. После этого весь перечень был набран в электронном варианте. В тот миг, когда вышеобозначенная «портянка» была распечатана, мне, как одному из исполнителей, подсунули её на подпись. Именно в этот самый миг и выяснилось, что в новую версию вкралось довольно много ошибок. Например, норковые полушубки отчего-то вдруг обратились в полушубки из меха Чебурашек, а кожаные сумки в дерюжки из дерматина. Под сей Филькиной грамотой я должна была оставить собственный автограф. Времени на размышления мне отпущено не было. Да и думать тут было особо не о чем. Перспектива оказаться стрелочником меня совершенно не радовала.

– Я не буду это подписывать, – сказала я, никак не аргументировав собственную позицию.

– Не будешь? Т.е. как?

– Здесь всё неправда. Ты ведь и сама знаешь.

– Ну что ж, не будешь, так не будешь, нам ещё лучше, – тут же подвела черту Светлана. Всё, что было дальше, походило на низкопробный фильм про психопатов.

Аркадий Евгеньевич, решив, что таким как я не место в дознании, начал действовать наверняка.

– Подготовь сопроводилровку к делу K09732-07, – в тот же вечер велел он мне.

– Хорошо. А где мне взять исходные данные? Я никогда не делала сопроводиловок. Вы могли бы мне подсказать?

– А что ты вообще делаешь в отделе дознания, если ты даже не знаешь, как составить сопроводилровку? Может, мне самому сесть и сделать её? Ну, чтобы тебе не утомляться? Может

я вообще буду за тебя работать?! Прекрасно! Я не простив! Но тогда и зарплату я буду получать за тебя! Здесь не школа, не первый класс, Лисицына! И обучать тебя никто не будет! Я свой отдел хотел усилить, хотел взять человека, который будет работать с первого дня, с первой минуты! А мне дали хер пойми кого и с боку бантик!

Прилюдно почмырив меня, словно помойного кота, он всё же предоставил исходные данные, опираясь на которые я тут же подготовила сопроводительное письмо.

– Вот, пожалуйста, – сказала я, протягивая ему документ.

– Я не понял, ты совсем не в адеквате? Ты что, не знакома с ГОСТом 6.3—2003? Какой шрифт ты использовала? Ты невменяемая, что ли? Шрифт должен быть другой! Это знает даже ребёнок!

– Хорошо, скажите какой, я всё переделаю, – спокойно предложила я.

– Переделает она... Таможня вся на тебя будет работать! Да? Мы все будем ждать, когда ты научишься письма правильно печатать! Нет, вы посмотрите на неё! Ещё совести хватает мне такое говорить! Она всё переделает!

Когда текст был предоставлен в нужном шрифте, случилась новая беда.

– Ты действительно больная... Ты умственно отсталая, Лисицына! Что за отступы ты сделала? – багровея, заорал Аркадий Евгеньевич.

Рабочий день давно закончился, но я продолжала снова и снова распечатывать одно и то же сопроводительное письмо. Мой непосредственный руководитель сидел рядом, вооружившись линейкой. Как только из принтера выходил очередной лист, он тут же хватал его трясушимися от злости руками и начинал измерять отступы со всех четырёх сторон. Разница в миллиметр заставляла его биться в истерике.

– Ты идиотка! Ты никчемное существо, которое даже сопроводилровку напечатать правильно не способно!

Формальная бумага, сообщающая о том, что документ или пакет документов отправлен по такому-то адресу, на самом деле не требовала каких-то супержестких условий оформления. Всё, что требовалось, мною было сделано с первого раза. Но Аркадий Евгеньевич, видимо, стремился исполнить главный принцип службы государевой: чем бы солдат не занимался – лишь бы зае*ался! Я-то зае*алась или нет, а вот он бедненький чуть было не сдох от собственной ярости. Измерять поля у надцатой по счёту сопроводилровки он не стал, сломав линейку о мой стол.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.